

Р. Г. НАЗИРОВ (Уфа)

НАРИСОВАННАЯ ЛОДКА

(к вопросу о происхождении одного фантастического мотива)

Любимый герой русского народа Степан Разин в преданиях, легендах и песнях о нем представлен колдуном. Его колдовство направлено в основном на хитроумное спасение из плена; этот мотив связан с широко распространившимся по Руси слухом о том, что Стенька не был казнен на Красной площади, а сумел обмануть стражу и бежать: он «жив до сих пор, сидит где-то в горе, стережет свои поклажи...»¹.

Этот слух — политическая мечта угнетенного народа. Вера в неистребимость народного вождя придавала людям силы для дальнейшего сопротивления. Но вера нуждалась в магической мотивировке, ибо народная идеология в эпоху феодализма с необходимостью развивается только в религиозной форме.

Благодаря колдовству, Стеньку и пуля не берет, и оковы с него спадают по одному его слову. Стенька «отводит глаза» своим палачам. Им кажется, что они терзают его, тогда как на деле бьют и колют чурбан². Этот мотив, как указано Ю. И. Юдиным³, находит соответствие в эвенкийском фольклоре, где шаман точно так же отводит глаза своим врагам⁴.

Позволительно предположить, что это не просто типологическое сходство: ведь еще в 1581 г. Ермак «Сибирью поклонился» Ивану Грозному, а за двадцать лет до казни Разина Ерофей Павлович Хабаров составил «Чертеж реке Амуру». Именно казаки первыми из русских открыли архаический мир охотничьих народов Сибири, и в казачью среду мотивы автохтонной культуры Сибири проникли относительно рано.

Самым интригующим мотивом сказаний о Разине является чудесное бегство в нарисованной лодке (Песни и сказания о Разине и Пугачеве, № 43). Разин с товарищами сидит в тюрьме.

Он рисует на стене лодку и, выпросив у сторожей кружку воды, выплескивает воду на свой рисунок: из воды чудесно образуется море, нарисованная лодка превращается в настоящую, и на ней Стенька с товарищами уплывает из плена.

Общепризнано, что этот мотив имеет сказочное происхождение. Ю. И. Юдин сближает сказание о бегстве Стеньки в нарисованной лодке со сказочным сюжетом типа АТ 664 А* — «Морока». Вот его изложение в новейшем указателе: «солдат (прохожий) платит золотыми, которые оказываются пуговицами (костяшками); его приводят к царю (судье), солдат морочит судью, будто происходит наводнение, и заставляет его пережить ряд приключений, не выходя из комнаты»⁵.

Единственный сходный сюжет о мороке из сборника Е. А. Чудинского⁶ выделяется ныне как самостоятельная единица (СУС: 664 С*): «Солдат-рассказчик заставляет девушек (скупую хозяйку) поверить, что изба заливается водой, плавают утки; раскрывается дверь — воды как не бывало» (СУС, с. 172).

В обоих случаях описана именно «морока», т. е. внушенная герою иллюзия или, говоря современным языком, коллективный гипноз. Ведь на деле (в условной реальности сказки) наводнение не происходит. В сказании же о Разине имеется настоящая вода: нарисованная лодка превращается в настоящую, и Стенька «реально» бежит из тюрьмы. Поэтому сближение этого мотива с типом «Морока» нельзя признать обоснованным.

Но в русском фольклоре есть параллели к рассматриваемому нами фантастическому мотиву. Это сказка «Усоньша-богатырша», которую А. И. Худяков записал в прошлом веке в Зарайском уезде Рязанской губернии. В ней рассказано, как Иван-царевич отправляется добывать для отца живую и мертвую воду и «моложавые яблоки» (сюжет типа АТ 551). Яблоки растут на деревьях подмышками у прекрасной Усоньши-богатырши. Добыть их помогает герою старик-волшебник. Для того, чтобы герой мог перенестись во владения Усоньши, старик применяет необычные средства:

«Вдруг он говорит ему: «Ну, Иван-царевич, смотри на меня!» Он на него смотрит, он с него портрет списал. Списал с него портрет, посадил его на стол, очертил мелом вокруг его, дал ему портрет и часы»⁷. Далее старик объясняет герою, как проникнуть в царство Усоньши и каковы условия успешного выполнения задачи.

«Когда только лишь старик проговорил эти слова, дунул на него, и он явился в том государстве». Пока нам не ясно, зачем понадобилось сажать царевича на стол и очерчивать «вокруг его» мелом.

Ивану-царевичу удается добыть чудесные предметы и даже злоупотребить беспечным сном Усоньши. «Когда, наконец, второпях видит, что ему осталось только четверть часа здесь быть, поскорее нужно идти. (...) Когда выбегает за заставу, которой

ыл его челн (был мелом очерчен вроде челнока), сел в него и поехал». Преследуемый проснувшейся (по его вине) богатыршей, Иван-царевич в отчаянии поминает старика. «Только он эти слова роговорил, очутился опять у старика на столе»⁸.

Ясно, что мотив «перелета» в нарисованной лодке подвергся юрче. Это выражается в неясности описания, в избыточных деталях (портрет, часы), которыми сказитель пытался «подкрепить» входящий из живого бытования мотив. Однако реликты мотива ялицо: на столе у старика начерчен не круг, а челнок, в нем ерой и перенесся в царство Усоньши, а после выполнения задачи сел в него и поехал. Этот мотив — ближайшая русская параллель к чудесному бегству Стеньки Разина.

Необходимо отметить, что данный мотив не принадлежит к числу распространенных на Руси. В европейском фольклоре известны мотивы оживающей статуи, одушевленного портрета, перемещающейся в пространстве иконы, однако превращение изображенного предмета в реальность с последующим использованием превращенного предмета — это восточный мотив, не характерный для Европы и для России.

Зато мы находим его в китайской (ханьской) сказке «Ма-лянь и волшебная кисть». В ней бедному юноше является во сне седобородый старик и дарит волшебную кисть. Она остается при ерое и после его пробуждения. Все, нарисованное этой кистью, мгновенно оживает. Ма-лянь рисует для бедняков мотыги, плуги и т. д.; заключенный врагами в тюрьму, бежит из нее при помощи нарисованной лестницы и нарисованного коня, расправляется с погоней, нарисовав лук и стрелу, которая тут же убивает преследователя.

Узнавший о волшебной кисти император призывает Ма-ляня и пытается подчинить его себе. По его приказу Ма-лянь рисует море, на нем корабль, на который поднимается император со свитой. Но творение продолжается: император требует, чтобы ветер дул сильнее; тогда Ма-лянь рисует бурю, и корабль погибает со всеми пассажирами, а живописец исчезает⁹.

В ханьской сказке мотив бегства по нарисованной лестнице выступает отдельно от мотива нарисованного корабля. Но существует еще более поразительная параллель к сказанию о бегстве Степана Разина. Французская исследовательница академик Маргерит Юрсенар в книге «Восточные сказания» приводит китайскую легенду о гениальном живописце, которого император за непокорность приговорил к ослеплению и отсечению руки. Живописцу позволено написать последнюю картину: на глазах палача он пишет море и достигает полной иллюзии. Затем, прежде чем палач успел вмешаться, живописец рисует на волнах парусник и на нем уплывает из тюрьмы¹⁰.

Эти сказки отмечены некоей изысканностью высокой культуры и содержат прославление магической силы иллюзионного изображения. Трудно отрицать перекличку указанных сюжетов

с мотивом бегства Стеньки в нарисованной лодке. Различие в том, что у китайцев выступает тип героя-живописца, что и отвечает древним традициям китайской культуры. В Китае издревле ценились «жизнеподобие» и иллюзионизм, что совершенно не характерно для Византии или древней Руси.

Если говорить о волшебных ладьях, мгновенно покрывающих большие расстояния, то необходимо привести мнение А. Н. Афанасьева: «Русские сказки рассказывают о летучем корабле, который подобно птице может носиться по воздушным пространствам с изумительной скоростью. По свидетельству одной сказки он находился во власти мифического старика, отличительным признаком которого были чудовищные брови и ресницы, т. е. во власти бога-громовника, которому тучи служат бровями, молнии — очами»¹¹.

Конкретные наблюдения великого ученого, как всегда весьма ценны: так, его описание мотива летучего корабля и владеющего им «старика» близки к материалу цитированной выше сказки «Усоньша-богатырша». Однако данное А. Н. Афанасьевым объяснение мотива (летучий корабль — метафора грозовой тучи) не может сегодня считаться убедительным. Мотив волшебной ладьи скорее следует возводить к мифам (в том числе славянским) о движении Солнца по небу в ладье либо о его ночном «во вратном плавании» с запада на восток по морю. К этой мифологической основе прибавилось тоже весьма древнее представление о магии изображения. Так сложился мотив нарисованной лодки — быть может, реликт «мифа о солнечной езде, представленного солярих ладьях Египта, Швеции, Урала»¹².

Китайская легенда из сборника М. Юрсенар и русское сказание о бегстве Разина имеют ряд сходных деталей и полностью аналогичный центральный мотив. Вряд ли стоит здесь говорить о заимствовании, но допустимо генетическое родство сюжетов — возможно, они восходят к одному источнику — древнесибирскому.

Академический компаративизм прошлого века крайне преувеличивал роль восточных влияний в славянском мифообразовании и былинном эпосе. Подобная «индомания» давно отвергнута русской наукой. Но серьезные ученые никогда не отрицали самого факта восточных влияний: речь идет о трезвом определении границ этих влияний и их значения.

С другой стороны, известно, что в том колоссальном расовом синтезе, который привел к образованию самой многочисленной нации нашей планеты, принимали участие и народы, пришедшие с юга (вплоть до негроидов Юго-Восточной Азии), и северные народы, в том числе пришельцы из Сибири. Древнейшей религией Китая был шаманизм, обнаруживающий черты сходства с сибирским. Окуневские петроглифы, как и сибирские шаманские камлания, могут рассматриваться как один из источников древнекитайских фольклорно-магических традиций.

Последним вопросом, в таком случае, становится проблема медиации. Довольно редкий для Руси мотив бегства в нарисованной лодке мог быть принесен казаками — отважными и любознательными землепроходцами. Но не исключено и более раннее хождение мотива в русскую культурную среду.

Ведь «Усоньшу-богатыршу» А. И. Худяков записал в Рязанской губернии. Рязанщина же явилась аванпостом русского сопротивления нашествию Батыя, а в дальнейшем была частично заселена татарами, которые постепенно растворились в русском населении (Касимовское царство). Эта ассимиляция не могла пройти бесследно. В нашем конкретном случае мы вправе предполагать не только восточное происхождение мотива нарисованной лодки, но и татарскую медиацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982, с. 252.
- ² См.: Песни и сказания о Разине и Пугачёве / Вступит. статья, редакция и примечания Л. Н. Лозановой. Л., 1935, № 38. Далее в тексте с сокращённым указанием: Песни и сказания о Р. и П.
- ³ Юдин Ю. И. Типология героев бытовой сказки. — В кн.: Русский фольклор, XIX, Л., 1979, с. 60.
- ⁴ Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, с. 75 («Шаман и мужчина»).
- ⁵ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979, с. 171. Далее в тексте сокращённое указание: СУС.
- ⁶ Чудинский Е. А. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, № 24 в.
- ⁷ Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М.-Л., 1964, с. 55.
- ⁸ Там же, с. 56.
- ⁹ Сказки народов Китая. М., 1961, с. 91—95.
- ¹⁰ Уоллселаг, Marguerite. Nouvelles orientales. Gallimard, P., 1975.
- ¹¹ Афанасьев А. Н. Древо жизни, с. 136.
- ¹² Хлобыстина М. Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства. — В кн.: Первобытное искусство. Сб. ст., Новосибирск, 1971, с. 176.